

ВО ИМЯ ИНТЕРЕСОВ АМЕРИКИ: ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ ПОМОЩИ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ*

■
Теодор А. Уилсон

(Ун-т штата Канзас)

Советско-американские отношения с июня 1941 по июль 1942 г. — периода, когда произошли такие события, как внезапное нападение нацистской Германии на СССР, атака Японией Пёрл-Харбора, что привело США к вступлению во вторую мировую войну, — представляют собой сложную главу в истории союзной коалиции военного времени. Официальные отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами в начале этого периода достигли, пожалуй, самого низкого уровня с 1933 г. и были запутаны дипломатической волокитой и взаимными подозрениями.

Глубоко укоренившаяся враждебность к коммунизму и политике Сталина, проявляемая американской стороной, оживилась и усилилась из-за того, что позиция, занятая Россией в 1939—июне 1941 г., воспринималась американцами как бессердечная и своекорыстная. Намерение официального Вашингтона «наказать СССР» за его «вероломную» политику в отношении западных держав, обусловило жесткую позицию правительства США в отношении СССР. Усилия, предпринимаемые русскими для того, чтобы приобрести промышленное оборудование и определенные виды сырья, накануне войны блокировались государственным департаментом, действовавшим, как это вполне очевидно, по инструкции Белого дома¹. Создавались также препятствия для поступления в США советских публикаций и почты².

Продолжался спор о контроле над принадлежавшими Прибалтийским республикам судами, которые находились в портах Соединенных Штатов; чиновники госдепартамента заняли позицию, заключавшуюся в том, что дискуссия о праве распоряжаться этими судами могла включать вопрос о признании «ассимиляции» Советским Союзом Эстонии, Латвии и Литвы*. 14 июня 1940 г. все

© Th. A. Wilson.

* Статья представляет собой сокращенный вариант доклада, сделанного на I советско-американском коллоквиуме по проблемам истории второй мировой войны.

¹ См.: Меморандум по инструктированию служащих, рассматривающих советские заказы, 11 апреля 1941 г. // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. Vol. 1. P. 691—692. (Далее: FRUS).

² Ibid. P. 737—739.

* Нельзя согласиться с автором, назвавшим «ассимиляцией» добровольное вступление Эстонии, Латвии и Литвы в состав советских социалистических республик. См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны: В 2 т. М., 1948; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, сентябрь 1938—август 1939 г.: Документы и материалы. М., 1971; Папкратова М., Сиполов В.

активы, принадлежавшие СССР и размещенные в банках США (так же как и средства всех оккупированных и нейтральных стран Европы), были «заморожены» Исполнительным приказом президента Рузвельта. Эту акцию, которую американский посол в СССР Лоренс А. Штейнгардт приветствовал «как отлично рассчитанный шаг, направленный на поддержание нашего престижа в Москве»³, советский полпред К. А. Уманский назвал откровенно дискриминационной. Отношения между двумя странами стали прохладными, а перспективы на какое бы ни было улучшение выглядели мрачными.

Тем не менее, под воздействием пламени битвы, разгоревшейся между советской и немецкой армиями вдоль 1,5-тысячемильного фронта, айсберг американской неприязни к Советской России и политике Иосифа Сталина начал разрушаться. На покрытой льдом поверхности ландшафта, олицетворявшего американское общественное мнение, стали появляться ручейки сочувствия к положению русского народа. Эти небольшие ручьи под жаром восхищения храбростью и отчаянной решимостью Красной Армии к осени 1941 г. превратились в паводок поддержки в пользу оказания всей возможной помощи Советскому Союзу. К июню 1942 г. препятствия к сотрудничеству между СССР и США — препятствия, существовавшие длительное время, — просто испарились. Паводок поддержки превратился в настоящий поток восторга в отношении событий, происходивших в Советском Союзе, которые, как это настойчиво утверждала причудливая логика американцев, порожденная Пёрл-Харбором (и лавина пропаганды в пользу СССР), стали делом и Соединенных Штатов.

Ярким свидетельством того, что можно было бы назвать концом «ледникового» периода, должно было стать предоставление СССР американской военной и экономической помощи. Эта материальная помощь благодаря решительному содействию Белого дома была оказана советским вооруженным силам, стремившимся остановить немецкое наступление. Вскоре американцы и русские оказались связаны друг с другом в такой степени, какую за несколько лет до этого невозможно было и представить.

Однако неприязнь и подозрения продолжали существовать, хотя под воздействием стратегической и политической необходимости эти факторы уже не соответствовали обстоятельствам, бес-

³ Почему не удалось предотвратить войну: Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года: (Документальный обзор). М., 1970; История внешней политики СССР, 1917—1985: В 2 т. М., 1986. Т. 1. 1917—1945 гг. — *Примеч. редкол.* Secretary of State Cordell Hull to Ambassador Laurence A. Steinhardt, 15 June, 1941 // FRUS. Vol. 1. P. 761—762; MemCon, by Assistant Secretary of State Dean G. Acheson, 16 June, 1941 // Ibid. P. 763—764. Взгляды, изложенные в меморандуме Ачесона, были широко распространены. См.: *De Santis H. The Diplomacy of Silence: The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933—1947.* Chicago, 1980; *Bennett E. M. Franklin D. Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933—1939.* Wilmington (Del.), 1985.

покоившим администрацию Рузвельта и Соединенные Штаты летом 1941 г. Для президента Рузвельта это был период растущего беспокойства, ибо его решающий довод — ленд-лиз — усилил как внутри США, так и за рубежом требования и сторонников вступления страны в войну, и противников этого шага. В этой ситуации решение Гитлера осуществить план «Барбаросса», возможно, спасло Рузвельта от дилеммы, созданной частично его собственным нежеланием действовать⁴.

Что же все-таки побудило правительство Соединенных Штатов, страны, все еще не участвовавшей в войне, предпринять осуществление огромной программы военной и экономической помощи Советскому Союзу — государству, чьи основополагающие принципы отвергались многими американцами? Ответ прост и все же исполнен противоречий. Рузвельт и его ближайшие советники отнеслись к сообщениям о немецком нападении на СССР, в сущности, так же, как и Уинстон Черчилль. (Следует вспомнить, что известный своей ненавистью к большевизму премьер-министр, осажденный в эти дни на Британских островах, сказал своему помощнику, что у него есть одна цель — уничтожить Гитлера, и поэтому его жизнь весьма упростилась.⁵) Президент пришел к подобной же мысли: поощрение Советского Союза в его сопротивлении напisku немцев соответствует национальным интересам Соединенных Штатов.

Логика Рузвельта на этот раз воссоздать не трудно. Нацистская Германия представляла собой явную и непосредственную угрозу для Соединенных Штатов. Поэтому следовало использовать любые возможности, ослабляющие военную мощь Германии и дающие Соединенным Штатам время для осуществления планов экономической и военной мобилизации. Борьба на советско-германском фронте — будь она лишь «короткой кампанией», как предрекали многие британские и американские специалисты, или «вторым фронтом», в котором столь отчаянно нуждалась Великобритания, — предоставляла именно такие возможности. Кроме того, что бы военные советники ни говорили о том, что любой токарный

⁴ Споры исследователей внешней и военной политики США в течение года перед нападением на Пёрл-Харбор продолжают возникать время от времени в самых неожиданных местах. Книга Р. Даллека («Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945». N. Y., 1979) — новейшая интерпретация тезиса о том, что Рузвельтом была разработана некая «большая политика» по вовлечению США в войну. Среди работ, в которых подчеркивается пассивность, уклончивость политики президента, его стремление следовать за событиями, отсутствие у него продуманной стратегии, следует отметить: Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937—1941: A Study in Competitive Co-operation. Chapel Hill (N. C.), 1982; Clifford J. G., Spencer S. The First Peacetime Draft. Lawrence (Ks), 1986; Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence: Vol. 1—3 / Ed. by W. F. Kimball. Princeton (N. J.), 1984; Wilson T. A. The First Summit: Roosevelt and Churchill at Placentia Bay, 1941. Boston, 1969; The Masks of Power: Franklin D. Roosevelt and the Conduct of American Foreign Policy // Makers of American Diplomacy / Ed. by F. J. Merli, T. A. Wilson. N. Y., 1974.

⁵ Diaries of John Colville, 22 June, 1941 // Gilbert M. Winston S. Churchill: Finest Hour, 1939—1941. Boston, 1983. P. 1118—1119.

станок, любой истребитель Р-40 или зенитное орудие, обещанные русским, являются невосполнимой потерей для американских военных приготовлений, с точки зрения президента, потенциальные приобретения значительно перевешивали любые возможные потери для безопасности Соединенных Штатов⁶.

Вот предыстория того поворота на 180°, который администрация США проделала в своей политике на протяжении первых же недель после нападения Германии на СССР. 23 июня исполнявший обязанности государственного секретаря Самнер Уэллес осудил предательское нападение Гитлера на Советский Союз и, обращаясь к американскому общественному мнению, подчеркнул: «...по мнению нашего правительства, любая защита от гитлеризма, любое объединение противостоящих ему сил, каково бы ни было их происхождение, приблизят конечное свержение нынешних германских лидеров и тем самым будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Армии Гитлера представляют сегодня главную опасность для Америки»⁷.

На следующий день на пресс-конференции президент Рузвельт объявил, что правительство Соединенных Штатов поможет Советскому Союзу получить из США военное снаряжение. Однако он предупредил, что не следует ожидать немедленного получения помощи, так как было вполне очевидно, что советские заявки будут огромными. «Вы не сможете просто зайти к м-ру Гарфинкелу, заполнить бланк заказа и унести все с собой», — сказал Рузвельт⁸. Он уклонился от подтверждения высказанных некоторыми лицами предположений о том, что происшедшие события автоматически распространяют на русских действие закона о ленд-лизе, и подчеркнул, что помощь Великобритании по-прежнему будет иметь первоочередное значение⁹. Было очевидно, что при наличии внутри общественного мнения США течений, направленных против предо-

⁶ Среди американских военных руководителей господствовало мнение, что все поставки русским будут потрачены зря или даже попадут в руки немцев, так как сопротивление советских войск продлится максимум три месяца. Подполковник Пол М. Робинетт, только что назначенный помощником начальника отдела G-2 штаба армии США, отмечал: «Среди военных распространено практически единодушное мнение о том, что Россия будет быстро и решительно разгромлена. Разногласия касаются лишь того, сколько именно времени все это займет. Насколько мне известно, никто не думает иначе» (Дневник П. М. Робинетта // *The Papers of George C. Marshall* / Ed. by L. I. Bland et al. Baltimore (Md), 1986. Vol. 2. P. 565). Военный министр США Генри Стимсон рассматривал вторжение немцев в СССР «почти как божий дар», который дал Великобритании передышку. Вместе с тем он настаивал, чтобы США с максимальной энергией приступили к осуществлению имеющихся планов таких операций, как оккупация Исландии и Азорских островов. См.: *Scherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History*. N. Y., 1948. P. 303—304.

⁷ Acting SecState to Amb. Steinhardt, 23 June, 1941 // *FRUS*. 1941. Vol. 1. P. 766—769. См. меморандум «Политика в отношении Советского Союза в случае начала войны между СССР и Германией» от 21 июня 1941 г., где содержалась более сдержанная оценка, нежели в заявлении Уэллеса, сделанном 23 июня. См.: *Ibid.* P. 766—767.

⁸ Стенограмма пресс-конференции президента Рузвельта, 24 июня 1941 г. // *Franklin D. Roosevelt Library*. Hyde Park, N. Y. *Franklin D. Roosevelt Papers*. *Stettinius E. R., Jr. Lend-Lease: Weapon for Victory*. N. Y., 1944. P. 121.

ставления СССР безоговорочной помощи, президент был намерен предпринимать последующие шаги осторожно.

Тем не менее по настоянию Белого дома были приняты меры для облегчения закупок, производимых русскими. Был отменен Исполнительный приказ, «замораживающий» советские активы, и Белый дом объявил о том, что Закон о нейтралитете не может быть распространен на советско-германскую войну¹⁰. Было немедленно дано разрешение на погрузку на суда для вывоза в СССР невоенных товаров стоимостью около 9 млн долл., уже закупленных в США.

Начали поступать советские заявки на закупку военных материалов и сырья. В первую очередь СССР требовались противотанковые орудия, бомбардировщики непосредственной поддержки войск на поле боя, истребители, зенитные орудия, станки для авиазаводов, крекинговые установки для производства авиационного бензина, полные комплекты оборудования для изготовления шин, прокатные станы, оборудование для производства толуола и сам толуол, алюминий, другие промышленные изделия и сырье¹¹. Встретившись 10 июля с советским полпредом Уманским, президент обещал, что правительство Соединенных Штатов предпримет меры, чтобы срочно снабдить СССР всем, что ему необходимо и что может быть отправлено морем. В качестве контрольной даты получения Советским Союзом всех поставок «срочного характера» президент установил 1 октября¹².

Выполнить данное президентом обещание оказалось невозможным: да и нет никаких данных, позволяющих судить о том, насколько серьезен был Рузвельт, говоря о дате 1 октября. Одним из элементов стиля руководства, которого придерживался Рузвельт, была присущая ему готовность устанавливать нереальные цели (каковым, например, был сделанный в 1938 г. призыв производить 50 тыс. самолетов в год), побуждая таким образом своих прагматиков-подчиненных пытаться выполнить невыполнимое. Не похоже, чтобы президент серьезно думал о тех резких изменениях, которые потребовались бы в системе промышленных приоритетов, переговоров о заключении контрактов, контроля за выполнением этих контрактов, финансированием закупок, упаковки и доставки их судами, для того чтобы выполнить его обещание.

Большие затруднения были обусловлены бюрократической путаницей, вызванной огромными требованиями к окончательной еще не сформированному аппарату по осуществлению ленд-лиза со

¹⁰ Press Release. Department of State, 24 June, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 768—769. Объявление об отмене распространения на СССР действия закона о нейтралитете означало, что суда, плавающие под американским флагом, могут заходить в советские порты. См.: *Herring G. C. Aid to Russia, 1941—1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War*. N. Y., 1973. P. 10.

¹¹ Amb. Steinhardt to Secretary of State, 29 June, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 776—777. Советская военная миссия, прибывшая во главе с генералом Ф. И. Голиковым в США в конце июля, привезла еще более длинный список. См.: *Stettinius E. R., Jr. Op. cit.* P. 123—124.

¹² MemCon, by Secretary of State, 10 July, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 788.

стороны стран, уже утвержденных получателями этой помощи. Рузвельт усложнял ситуацию, поручая то одному, то другому учреждению решать программу военной и экономической помощи. Особенно часто он вмешивался в действия своих подчиненных, когда вопрос касался административной ответственности за программу помощи Советскому Союзу. Факт вмешательства президента в вопросы оказания помощи СССР свидетельствовал о важности для него этой программы¹³. 30 июня при госдепартаменте был создан Комитет по рассмотрению советских заявок. Однако, как отмечается в работе по истории ленд-лиза, «установленная комитетом процедура направления советских заявок агентствам, которые отвечали за их выполнение, оказалась крайне громоздкой и сложной», в связи с чем различные люди, отвечавшие за осуществление программы помощи СССР, начали жаловаться в Белый дом¹⁴. Полпред К. А. Уманский 17 июля лично заявил протест в связи с тем, что «ни один из заказов, содержащихся в представленных правительству США списках, до сих пор не выполнен»¹⁵.

Тогда президент попросил генерала Джеймса Х. Бёрнза, которому доверял, организовать Отдел поставок Советскому Союзу. Так было положено начало административному учреждению, существовавшему почти до конца войны. Бёрнз набрал небольшой штат сотрудников, включавший полковника Филипа Р. Фэймонвилла (вернувшегося после четырех лет пребывания на посту военного атташе США в Москве) и специалиста по СССР Джона Н. Хезарда. 21 июля агентству, руководимому генералом Бёрнзом, было вменено в обязанность добиться «немедленной отправки и оказания существенной помощи Союзу Советских Социалистических Республик». Советские представители, для того чтобы достичь ощутимых результатов, оказывали давление на американских официальных лиц, о чем свидетельствует, в частности, насыщенная обоюдными упреками беседа между К. А. Уманским и С. Уэллесом, состоявшаяся 24 июля¹⁶.

В ходе встреч с советскими представителями американцы признали, что заявки на «военную продукцию» (включавшие 3 тыс. истребителей, 3 тыс. бомбардировщиков и 20 тыс. зенитных орудий) «не могли быть выполнены» в рамках существовавших программ производства вооружений. Как сообщил генерал Джордж К. Маршалл только что прибывшему в США главе советской военной миссии генералу Ф. И. Голикову, «Соединенные Штаты просто не располагают в достаточном количестве самолё-

¹³ The Papers of George C. Marshall. Vol. 2. P. 569—570, 581—852; Herring G. C. Op. cit.; Lukas R. C. Eagles East: The Army Air Force and the Soviet Union, 1941—1945. Tallahassee (Fla), 1970.

¹⁴ International Division. Army Service Forces. «Lend-Lease as of September 30, 1945»: Unpublished History: Vol. 1—2. S. 1., S. A. Vol. 2. P. 1001. (Далее: ASF History. «Lend-Lease»).

¹⁵ MemCon, by Acting SecState, 17 July, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 794.

¹⁶ MemCon, by Acting SecState, 24 July, 1941 // Ibid. P. 795—796.

тами, танками, артиллерией, резервными запасами оборудования и сырья, которые они смогли бы отправить в Россию»¹⁷. Мобилизация американской промышленности проходила медленно, нежелали это было задумано: и для перевооружения Соединенных Штатов, и для выполнения ранее принятых обязательств по поставкам оружия и боеприпасов в Великобританию продукция производилась недостаточно. Поэтому было решено, что «по крайней мере в настоящее время производство основных необходимых видов оружия для борьбы с немецкими танками и самолетами будет принято в Советском Союзе»¹⁸.

27 июля Бёрнз информировал президента, что из общей суммы советских заказов, равной примерно 400 млн долл., готовой продукции имеется только на 22 млн. Лишь месяц спустя, 18 августа, стало возможно сообщить генералу Голикову о том, что различные материалы, включавшие такие жизненно важные вещи, как толуол, авиакеросин, листовая латунь для изготовления патронов, 100 тыс. км полевого телефонного провода и 127,7 тыс. т броневых плит, на сумму 145 млн долл. готовы для передачи заказчикам¹⁹.

Решение последовать примеру Великобритании и предложить Советскому Союзу помощь, быстро принятое администрацией Рузвельта, определялось, скорее всего, расчетами на получение кратковременных преимуществ, а не соображениями, связанными с отдаленным будущим²⁰. Если бы русским можно было помочь пожеланиями удачи или предоставлением одной-двух эскадрилий истребителей P-40, тогда, конечно же, подобная помощь должна была быть предоставлена. Однако к концу июля стало ясно, что рискнуть придется гораздо большим. Информация британской разведки и анализ хода военных действий убедительно доказывали, что СССР вполне сможет продержаться до наступления зимы. Более того, перевод жизненно важных промышленных предприятий далеко на Восток, подальше от линии фронта, оказался весьма успешным. Следовательно, если русские будут продолжать дер-

¹⁷ Stettinius E. R., Jr. Op. cit. P. 123. Следует отметить, что Стимсон и генерал Маршалл пришли к обоюдному мнению о том, что человек, которого больше, чем кого-либо другого, следовало просветить о трудных условиях, в которых осуществлялась американская программа производства вооружений, был сам президент Рузвельт. Маршалл настаивал, чтобы Стимсон сообщил президенту о «нехватке различных запасных частей, в связи с чем страдают в первую очередь наши военно-воздушные силы. Наши самолеты прикованы к земле, так как мы не можем их починить. . . Если нас будут критиковать за это, — продолжал он, — то, по-моему, причина этого положения состоит в том, что мы были слишком щедры — щедры в ущерб самим себе; я серьезнейшим образом ставлю под сомнение разумность предпринятого нами шага — предоставления (СССР) самолетов P-40 именно сейчас. Я еще больше сомневаюсь в этом теперь, когда наши действия вызывают только лишь критику. Думаю, следует ясно указать президенту на то, что г-н Уманский заберет все, чем мы владеем, если мы уступим его критике» (The Papers of George C. Marshall. Vol. 2. P. 595—596).

¹⁸ ASF History. «Lend-Lease». Vol. 2. P. 1003.

¹⁹ International Division. Army Service Forces. «Lend-Lease Documentary Supplement»: Vol. 1—4. S. 1., s. a. Vol. 2. P. 467—476.

²⁰ Здесь, возможно, самое подходящее место для того, чтобы кратко ответить тем,

жаться и дальше, то политические и военные соображения требуют, чтобы была предпринята программа, предусматривающая оказание Советскому Союзу реальной, а не символической помощи²¹.

То обстоятельство, что ближайший советник президента Гарри Гопкинс — человек, относящийся к Советскому Союзу без предубеждений, — оказался в это время в Великобритании (куда он прибыл для согласования вопросов о встрече Рузвельта с Черчиллем), имело решающее значение. Находясь в Англии, он предложил свою кандидатуру для поездки в Москву с тем, чтобы получить у премьера Сталина «информацию из первых рук». Его визит, как отмечал Гопкинс, покажет руководству СССР, что «мы, несомненно, серьезно относимся к тому, чтобы придать поставкам долгосрочный характер»²². Рузвельт отнесся к этой идее с энтузиазмом и послал Сталину телеграмму с просьбой разрешить прибыть в Москву Гопкинсу, которого он часто рассматривал в качестве своего второго «я».

На значительно возросшую заинтересованность Америки в предоставлении Советскому Союзу помощи могли оказать и резко сформулированные заявления Уманского и Голикова о том, что помощь, уже предоставленная СССР к этому времени, была чрезвычайно мала. 28 июля в ходе встречи официальных лиц, связанных с осуществлением помощи Советскому Союзу, полпред Уманский сделал акцент на том, что советские заявки «следует рассматривать в контексте новой ситуации». Для Советского Союза, который «имел самый протяженный фронт и вел самую тяжелую борьбу за всю историю войн», был неприемлем установленный порядок получения боеприпасов и оружия, остававшихся после удовлетворения других заказов. «Я не хотел бы бросить тень на добрую волю Соединенных Штатов, — заявил Уманский, — но мне хотелось со всей очевидностью продемонстрировать тот факт, что в настоящий момент сложилась новая ситуация, что масштабы ведущихся боев трудно представить и что Советский Союз принял на себя 95 % всей мощи Германии». По его мнению, наступило время для разработки правительствами СССР, Великобритании и

кто утверждает, что США и Великобритания на протяжении начального периода наступления немцев заняли в отношении СССР позицию сторонних наблюдателей, что их целью было создать условия для борьбы, которая истощила бы силы и Германии, и СССР, а англичане и американцы вышли бы из нее победителями. Одним из примеров сравнительно умеренного и сбалансированного выражения этой точки зрения является книга В. Сиполса «Путь к великой Победе: Советская дипломатия, 1941—1945» (М., 1985). Все, что англичане смогли бы выделить для непосредственного участия в боевых действиях, — это две дивизии — крайне незначительный вклад в ту титаническую борьбу, которая велась между советскими и немецкими вооруженными силами.

²¹ Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940—1942. Cambridge, 1984; Beaumont J. Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941—1945. L., 1980; Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. N. Y., 1975.

²² Sherwood R. Op. cit. P. 318.

США координированного плана, с помощью которого американские поставки могли бы распределяться на более справедливой основе. Это предложение явилось полной неожиданностью для американских представителей, присутствовавших на совещании²³.

Со своей стороны Англия была обеспокоена вероятностью сокращения ей поставок в связи с расширением американской помощи СССР. Британское правительство придерживалось собственной оценки политики, сформулированной Рузвельтом, которая предполагала обещание СССР «всей возможной помощи». В Лондоне полагали, что если помощь, необходимая для усиления борьбы Красной Армии, должна была быть переадресована с какого-либо театра военных действий, то вполне очевидно, что таким местом будет Средний Восток — театр, который воспринимался американцами как нечто второстепенное²⁴.

Все перечисленные обстоятельства и создавали предысторию той знаменитой «головомойки», которую президент Рузвельт устроил членам своего кабинета 1 августа в связи с затягиванием предоставления помощи Советскому Союзу. Непосредственной причиной и поводом президентского гнева послужил отказ военного министерства удовлетворить советский запрос о выделении самолетов. Военный министр Г. Стимсон позже оправдывал это решение тем, что ему, как военному министру, следовало прежде всего заботиться об оснащении американских вооруженных сил²⁵. Подобные аргументы не подействовали на президента. «Мне надоело слушать о том, что они получают то или это, — заметил Рузвельт. — Все, что бы мы ни собирались дать им, должно быть там (в СССР) к 1 октября, и единственный ответ, который я хочу от вас услышать, — это слова „все уже отправлено“». Стимсон получил инструкцию отгрузить самолеты немедленно²⁶.

Это заявление президента не покончило с борьбой, которую вели между собой различные ведомства за контроль над ценными видами вооружений, так как эта борьба, как это будет документально доказано далее, была присуща осуществлению программы ленд-лиза вообще и помощи Советскому Союзу в частности. Тем не менее это сопровождавшееся горячими спорами совещание кабинета, состоявшееся 1 августа, можно рассматривать как своего рода водораздел в истории программы помощи СССР. Именно после него будут предприняты серьезные усилия для удовлетворения потребностей Советского Союза и приспособления к этим требованиям уже сформировавшихся английских и американских приоритетов в сфере производства и морских перевозок.

Тот стиль поведения, который сложился в первые лихорадоч-

²³ MemCon, by Alexander Schnee, 28 July, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 799—802.

²⁴ *Beaumont J.* Op. cit.; *Gilbert M.* Op. cit.; *Gorodetsky G.* Op. cit.; см. также переписку по этим вопросам: Churchill and Roosevelt. Vol. 1. P. 529—530, passim.

²⁵ Henry L. Stimson Diary, 1 August, 1941 // Yale University Library. New Haven (Conn.). Henry L. Stimson Papers.

²⁶ *Blum J. M.* From the Morgenthau Diaries: Years of Urgency, 1938—1941. Boston, 1965. P. 264.

ные недели конца июня и в июле, определил направление советско-американских отношений по меньшей мере на весь первый год участия России в войне. Отчет, сделанный Гарри Гопкинсом перед восхищенной аудиторией на Атлантической конференции, лишь подтвердил правильность принятого президентом Рузвельтом решения предоставить СССР всю возможную помощь²⁷. «Начиная с этого момента, — писал Джордж Херринг, — и впредь Рузвельт и Черчилль игнорировали все предсказания катастрофы на Восточном фронте, решили предоставить Сталину немедленную помощь и начали разрабатывать планы мощной и разносторонней поддержки»²⁸.

В ходе нескольких дискуссий со Сталиным, затрагивавших самый широкий круг вопросов, Гопкинсу был предоставлен детальнейший обзор военного положения и перспектив его развития в ближайшем будущем. Гопкинс был ошеломлен, узнав, что в настоящее время Германия развернула на Восточном фронте 232 дивизии и что у Красной Армии было на фронте около 240 дивизий. Сталин заявил, что советские вооруженные силы во многих отношениях уступают немецкой армии, но что зимой соотношение изменится.

Он охарактеризовал обстоятельства, влиявшие на производство в СССР вооружений и боеприпасов, и заявил, что «результаты войны в России будут ощутимо зависеть от возможности начать весеннюю кампанию, располагая достаточным количеством техники, особенно самолетов, танков и зенитных орудий». Сталин настаивал на немедленной доставке уже заказанного, прежде всего зенитных орудий и алюминия. «И наше, и британское правительства, — ответил Гопкинс, — на протяжении последних недель стремились сделать все возможное для того, чтобы послать в Россию необходимые материалы». Однако, по всей вероятности, любая помощь, направленная в СССР, едва ли сумеет прибыть до «установления плохой погоды». Гопкинс предложил принять определенные шаги для того, чтобы скоординировать «проблемы, связанные с поставками, рассчитанными на длительные сроки». Он неофициально затронул идею созыва трехсторонней конференции, на которой можно было бы обсудить «соответствующие стратегические интересы каждого фронта, а равно и интересы наших стран». Сталин принял эту идею, а позже Рузвельт и Черчилль подтвердили заинтересованность в том, чтобы советско-англо-американская конференция по вопросу о поставках была создана как можно скорее²⁹.

На Атлантической конференции и в ходе последующих обсуждений британскими и американскими штабами вопросов стратегии

²⁷ Wilson T. A. Op. cit.; Herring G. C. Op. cit.; Сунолс В. Я. Указ. соч. Автор этой монографии предлагает интересную оценку конференции с точки зрения советских историков.

²⁸ Herring G. C. Op. cit. P. 12.

²⁹ MemCon, by Harry Hopkins, 30 July, 1941 // FRUS. 1941. Vol. 1. P. 802—814; см. также: Wilson T. A. Op. cit. P. 122—126.

не было уделено никакого серьезного внимания переориентации первоочередных задач, предусматривающих доведение войны с Германией до победного конца. Вторжение немцев в Россию с точки зрения его влияния на англо-американскую стратегию не было важным событием, и этот взгляд на войну как на две отдельные сферы предопределил в дальнейшем развитие программы ленд-лиза в отношении Советского Союза³⁰.

Так называемая «Программа победы» — всесторонний анализ экономических и человеческих ресурсов, необходимых для разгрома нацистской Германии, — не принимала в расчет Советский Союз. Этот аналитический обзор являлся поспешной попыткой ответа на президентскую директиву и был основан на нескольких непроверенных выводах относительно всеобщих стратегических перспектив³¹. Наиболее важным, возможно, было определение соответствующих приоритетов при распределении людских ресурсов между вооруженными силами и важнейшими отраслями промышленности. Примечательно, однако, что «Программа победы» абсолютно ясно показала, что Америка, превозносимая в качестве «арсенала демократии», не сможет превзойти военное производство Англии и Канады по меньшей мере до конца 1942 г.³²

Конференция по вопросам, связанным с поставками вооружений (именуемая обычно миссией Бивербрука — Гарримана), следовала этому сценарию. Аверелл Гарриман — потомок железнодорожных магнатов, служивший в ту пору «экспедитором по ленд-лизу» в Лондоне, был назначен главой американской делегации на Московской конференции по вопросам взаимных военных поставок. После проведения в Вашингтоне ряда напряженных совещаний по запасам различного рода вооружений и сырья, которые можно было предоставить СССР, Гарриман отбыл в Великобританию. Он прибыл в Лондон 15 сентября и немедленно предпринял серию совещаний с премьер-министром У. Черчиллем, с лордом Бивербруком, назначенным представителем Соединенного Королевства и уполномоченным британского правительства.

Гарриман столкнулся с жестким приемом, так как к этому моменту англичане серьезно опасались, что возросшая помощь Советскому Союзу значительно сократит поставки, поступающие к ним по ленд-лизу. Эти опасения были усилены письмом Рузвельта Черчиллю, датированным 8 сентября, в котором президент

³⁰ Butler J. R. M. *Grand Strategy*, June 1941—August 1942. L., 1964; «Future Strategy: Note by Joint Planning Staff». W. O. (41), June 12, 1941, WO 193/2411, Public Record Office, London, U. K.

³¹ Stoler M. A. *The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941—1943*. Westport (Conn.), 1977. P. 11—13. О «Программе победы» см. также: Coakley R. W. *Global Logistics and Strategy, 1940—1943*. Wash., 1955; Hansell H. S. *The Air Plan that Defeated Hitler*. Atlanta (Ga.), 1972.

³² Matloff M., Snell E. M. *Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941—1942*. Wash. (D. C.), 1953. P. 58—62.

давал понять, что помощь русским будет пользоваться приоритетом³³. Жертвы, на которые он призывал пойти англичан, особенно раздражали последних в связи с тем обстоятельством, что Сталин только что начал кампанию за открытие второго фронта. Лишь пять дней спустя Гарриман и британские руководители смогли выработать компромиссное решение, приемлемое для обеих сторон³⁴.

Британская и американская делегации провели 29 сентября — 1 октября ряд встреч с премьер-министром Сталиным и его военными и экономическими советниками. Так как целью Московской конференции было, по замечанию лорда Бивербрука, «разъяснить русским намерение Великобритании и США наиболее полно удовлетворить запросы России, делая это вне зависимости от того, дадут ли русские что-либо взамен или нет», то на ней царила атмосфера примирения³⁵.

Были на конференции и напряженные моменты. Гарриман и лорд Бивербрук интересовались сведениями о советских запасах сырья и промышленной продукции, однако не настаивали на получении ответа. Сталин выказал «большое нетерпение и раздражение», когда ему сообщили, что ряд видов вооружений и сырья не может быть поставлен³⁶.

За исключением обзора положения, сложившегося в мире, сделанного Сталиным в первый же вечер переговоров, никакого серьезного обсуждения стратегических проблем, представляющих взаимный интерес, проведено не было³⁷. Лорд Бивербрук предпочитал избегать всего, что рассматривалось им в качестве «отрицательных фактов войны» (обсуждения стратегии), а американская делегация, от которой требовалось соблюдение видимости неучастия страны в войне, последовала его примеру³⁸.

Результаты Московской конференции удовлетворили все заинтересованные стороны. 1 октября было подписано соглашение, в котором перечислялись «виды и объем поставок» из Соединенных Штатов и Великобритании в Советский Союз на протяжении предстоявших девяти месяцев, — соглашение, известное впоследствии как Московский протокол. И хотя оно не могло удовлетворить сделанные русскими запросы на поставку некоторых жизненно важных видов военной продукции (так, вместо запрошенных 1,1 тыс. танков ежемесячно было обещано 500, а вместо требуемых 18 тыс. противотанковых и зенитных орудий — 5 тыс.), общие размеры обязательств были внушительными. То, что предла-

³³ Churchill and Roosevelt. Vol. 1. P. 239—240.

³⁴ Harriman W. A., Abel E. Op. cit. P. 78—82; Gorodetsky G. Op. cit. P. 232—235.

³⁵ Цит. по: Beaumont J. Op. cit. P. 55.

³⁶ Herring G. C. Op. cit. P. 17.

³⁷ См. оценку в кн.: Harriman W. A., Abel E. Op. cit. P. 87—88.

³⁸ Beaumont J. Op. cit. P. 56. Советская сторона позже выражала недовольство в связи с тем, что ее требования прямой военной поддержки были отвергнуты, а Черчилль выражал удивление по поводу того, что не было переговоров по вопросам стратегии.

галось Соединенными Штатами, включало такие виды вооружений, которые сразу же можно было использовать на полях сражений: 100 бомбардировщиков и 300 истребителей ежемесячно, 152 зенитные 90-мм пушки, 5 тыс. бронированных автомобилей и 200 противотанковых орудий в месяц.

Протокол также обязывал Соединенные Штаты предоставить множество видов проката, сплавов, химикатов, обмундирования, обуви, продовольствия. Общая стоимость всех видов военных материалов и сырья равнялась 1,3 млрд долл. Важным пунктом протокола была оговорка, предусматривающая, что «Великобритания и США предоставят помощь в транспортировке этих материалов в Советский Союз и окажут содействие в их передаче», — признание факта, что потребность в судах превышала возможности, которыми располагала советская сторона.

Заключительной частью возведенного на скорую руку здания американской помощи Советскому Союзу была проблема финансирования этих гигантских заказов. Фонды для американских поставщиков поступили от Реконструктивной финансовой корпорации и министерства финансов, однако в лучшем случае это являлось лишь временным решением проблемы. И хотя логика требовала распространения на Советский Союз действия закона о ленд-лизе, политические соображения диктовали необходимость принятия другого решения. Законопроект об ассигновании на ленд-лиз рассматривался конгрессом, где вновь дала о себе знать шумная оппозиция, выступавшая против включения России в число получателей помощи по этому закону. Особенно активно против выступали законодатели, представлявшие католиков. Опросы общественного мнения — важный барометр для президента Рузвельта — показали, однако, что большинство американцев одобряли предоставление помощи Советскому Союзу «на срок, который потребуется для разгрома держав „оси“». 30 октября президент Рузвельт предпринял решительный шаг, информировав премьера Сталина о том, что он предложил предоставить СССР «до 1 млрд долл. в рамках закона о ленд-лизе»³⁹. С этого момента Московский протокол приобрел в программе ленд-лиза уникальный статус.

На 1 ноября в Советский Союз из Соединенных Штатов были отгружены материалы стоимостью 41 млн долл., что составляло менее трети того объема поставок, который должен был быть предоставлен в соответствии с американскими обязательствами по Московскому протоколу. Этот сразу же возникший разрыв между обязательствами и тем, что было доставлено в действительности, никогда так и не был преодолен, несмотря на

³⁹ Это соглашение содержало условие, по которому задолженность не предусматривала выплаты процентов и СССР должен был начать выплачивать долги спустя 5 лет после окончания войны. Эта договоренность была впоследствии изменена, с тем чтобы привести ее в соответствие с другими соглашениями, заключенными в рамках программы ленд-лиза. См.: President Roosevelt to Chairman Stalin, 30 October, 1941 // FRUS, 1941, Vol. 1, P. 851.

дихорадочные усилия, предпринятые под давлением со стороны Белого дома. По одному из подсчетов, лишь около 50 % обещанных материалов было действительно доставлено в СССР между 1 октября 1941 г. и 30 июня 1942 г.

Если признать тот факт, что военная и экономическая помощь превратилась в главный инструмент политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза, возникает, естественно, вопрос, как и почему Америка не выполнила своих обязательств по Московскому протоколу? Любой ответ на этот вопрос следует давать, учитывая те трудности, которые возникли при осуществлении полной промышленной и военной мобилизации в США, осуществлявшейся осенью 1941 г. Когда нападение Японии на Пёрл-Харбор ввергло Соединенные Штаты во вторую мировую войну, Америка все еще представляла собой нацию, занятую мирным трудом и делавшую все это с ленивой неторопливостью, присущей мирному времени. Существовавшее положение стало постепенно меняться с момента создания в сентябре 1941 г. Управления по очередности снабжения и размещения заказов — еще одного агентства, на которое была возложена ответственность за мобилизацию экономики. Однако возникшая система так никогда и не была улучшена до конца ⁴⁰.

Известную роль в этом сыграли административная неразбериха и бюрократическая конкуренция, вторгавшиеся в любой аспект внутренней политики военного времени, проводимой администрацией Рузвельта. Один из личных секретарей Черчилля, полковник Айэн Джекоб, в дневнике, который он вел на Вашингтонской конференции в декабре 1941 г., четко определил сущность американского подхода к управлению: «Личность человека играет в американском правительстве гораздо большую роль. . . Президент — это своего рода патриарх, правящий весьма непослушным родом, и многое зависит от конкретного человека, обладающего влиянием на ту или иную часть рода, — отметил Джекоб. — Американцы, конечно же, весьма стеснены в своих действиях собственной конституцией, которая специально сформулирована таким образом, чтобы предотвратить поспешные и своевольные действия представителей власти, и которая тем не менее предоставляет президенту в критические периоды почти диктаторскую власть» ⁴¹.

Президент упорно отказывается назначить какое-либо одно из агентств отвечать за все аспекты программы ленд-лиза. Гарри Гопкинс получил право утверждать все заявки и распределять фонды, тогда как военное, морское, а также министерства сельского хозяйства и финансов разделяли функции приобретения сырья и продукции. Документация в этой связи должна была проходить через лабиринт канцелярий, разбросанных по Вашингтону. По одному из подсчетов, в период, предшествовавший нападению

⁴⁰ US Bureau of the Budget. The United States at War. Wash. (D. C.), 1946.

⁴¹ Journals of Colonel Ian Jacob. «Operation Arcadia», December, 1941. Papers of General Sir Ian Jacob.

на Пёрл-Харбор, для оформления заказа требовалось в среднем 90 дней ⁴². Положение улучшилось в связи с назначением Эдварда Стеттиниуса на пост уполномоченного по ленд-лизу и наделением широкими полномочиями Отдела по управлению ленд-лизом, утвержденными президентским приказом 28 октября 1941 г. Но все эти меры предпринимались постепенно, и советские представители, подобно многим другим, нашли полезным направлять свои запросы, как можно большему числу официальных лиц и в максимальное возможное число учреждений ⁴³.

Внезапное вступление Америки в войну лишь усложнило все эти проблемы. Немедленным результатом Пёрл-Харбора стало прекращение отправки любых видов помощи кому бы то ни было. Во время работы конференции «Аркадия» Рузвельт неохотно согласился переадресовать несколько торговых судов, осуществлявших перевозки в рамках советской части программы ленд-лиза, в район юго-западной части Тихого океана ⁴⁴. Однако и он и Черчилль были намерены предоставлять СССР такой объем помощи, какой был только возможен, учитывая новую ситуацию, сложившуюся из-за вступления США в войну. Британия и Америка должны отправлять все обещанные материалы «точно и пунктуально», отметил Черчилль в меморандуме, написанном на пути в Соединенные Штаты. «Только таким образом мы сможем оказывать влияние на Сталина и сумеем вплести мощные усилия России в общую ткань войны» ⁴⁵. 1 января 1942 г. Рузвельт вмешался в действия своих подчиненных и распорядился возобновить отправку военных материалов в СССР ⁴⁶. Тем не менее потребовалось несколько месяцев, чтобы преодолеть болезнетворные последствия Пёрл-Харбора и бюрократического паралича и привести все в порядок.

Последней причиной, мешавшей четкой отправке и передаче поставок Советскому Союзу, была нехватка судов. Дело было не только в отсутствии достаточного количества торговых судов, необходимых для доставки военных грузов и других товаров, заказанных союзниками Америки. На протяжении первых месяцев после Пёрл-Харбора потери в транспортных пугающе возросли. Конвоям, идущим в порты России, сильно мешала мощная концентрация немецких подводных лодок, надводных кораблей и авиации. В апреле потери возрастали столь быстро, что Черчилль распорядился отправлять в Мурманск только три конвоя каждые два

⁴² Herring G. C. Op. cit. P. 34.

⁴³ «Советские представители, что вполне естественно, стремились использовать ту неразбериху, которая царила в среде американской бюрократии. Когда поданные ими заявки отвергались одним агентством, они направляли их в другое. «Город заполнен русскими» — поговорка, широко распространенная среди чиновников, ведавших снабжением вооруженных сил зимой 1941 г. и в последующее время» (Herring G. C. Op. cit. P. 37).

⁴⁴ Matloff M., Snell E. M. Op. cit. P. 206.

⁴⁵ Memorandum by Churchill, 16 December, 1941 // FRUS. The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943. Wash. (D. C.), 1968. P. 22.

⁴⁶ Herring G. C. Op. cit. P. 54—55.

месяца. В середине марта 1942 г., используя выражения, весьма напоминавшие те, которые были употреблены им в августе 1941 г., президент потребовал, чтобы материалы, включенные в Московский протокол, были «переданы к отправке наискорейшим образом, вне зависимости от последствий, которые может оказать отправка этих материалов на любую часть нашей военной программы»⁴⁷.

Рузвельт отдал главе Администрации военно-морского транспорта адмиралу Лэнду приказ, где было сказано, что «выполнение Московского протокола при отправке грузов морем должно иметь первоочередное значение»⁴⁸.

Максимально возможное число судов было переведено на рейсы в порты Персидского залива, однако никакой надежды на то, что дефицит, возникший в связи с невыполнением обязательств по Московскому протоколу, удастся покрыть до 30 июня 1942 г., уже не оставалось. И хотя доставка грузов в Советский Союз резко возросла (более 200 тыс. т в марте и почти 450 тыс. т в апреле по сравнению приблизительно с 375 тыс. т, доставленными между октябрём 1941 и мартом 1942 г.), вместе все же это составляло лишь около половины того, что было обещано⁴⁹.

Какие же выводы можно сделать, оценивая то влияние, которое оказывали на советско-американские отношения усилия, принятые США по оказанию помощи России на протяжении самого тяжелого периода ее борьбы за выживание? Ясно то, что сама по себе эта помощь была важным фактором для обеих наций. Оставляя другим исследователям задачу оценки ее военного значения (если американская помощь в 1941—1942 гг. вообще имела какое-либо значение), можно утверждать одно — ее политический и психологический эффект был значительным⁵⁰. В то время когда Гитлер доминировал повсюду, предоставление Советскому Союзу, полностью принявшему на себя бремя борьбы с военной мощью Германии, материальной помощи стало весомым достижением для администрации Рузвельта.

Важную роль сыграла также заинтересованность некоторых американских государственных деятелей в том, чтобы использовать

⁴⁷ Stettinius E. R., Jr. Op. cit. P. 205.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ ASF History «Lend-Lease». Vol. 2. P. 1018—1019.

⁵⁰ Любые суждения относительно военного значения американских поставок в СССР для хода сражений, протекавших с июня 1941 по конец весны 1942 г., должны учитывать тот факт, что на фронт поступило крайне незначительное количество американского и британского вооружения, что многое из попавшего туда оценивалось с точки зрения его военной пригодности весьма низко и что никто из участников войны не пытался делать вид, будто дело обстоит иначе. Авторы одного из советских исследований признают, что поставки американской техники, особенно автомобилей и горюче-смазочных материалов, помогли укреплению мощи Красной Армии, однако лишь после того, как она выстояла в критический период июня 1941—осени 1942 г. См.: Андрианов В. Н., Богатырь З. А. и др. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг. М., 1965. Т. 6.

ленд-лиз для получения от СССР «компенсации», подобно тому как это было предложено сделать британскому правительству. Целью государственного департамента было создание основы для открытого мирового экономического порядка, основанного на либеральных принципах свободной торговли. И хотя кампания за предоставление уступок в обмен на помощь по ленд-лизу была нацелена на Великобританию и на систему имперских преференций, которую англичане продолжали сохранять, периодически проявляясь и беспокойство в связи с тем, какое место займет в послевоенном мире Советский Союз. Некоторые американцы в 1941 г. считали также, что гораздо более практичной «компенсацией» за предоставление ленд-лиза будет гарантированный доступ к различным стратегическим материалам, производимым в СССР⁵¹.

Последний теоретический вопрос заключается в том, почему советско-американские отношения в годы второй мировой войны не развивались в том же примерно направлении, в котором эволюционировали так называемые «особые отношения» Великобритании и Соединенных Штатов. Здесь требуется дать несколько ответов. СССР и Соединенные Штаты никогда не были столь «близко связаны друг с другом», как США и Великобритания. Частично англо-американскую «близость» объясняют обстоятельства периода 1940—1941 гг. Большое значение также имели и многочисленные связи, которые явились результатом совместного планирования операций в Средиземноморье, осуществлявшихся британскими и американскими войсками, операций на Дальнем Востоке и в Западной Европе. Необходимость в координации действий в Европе и на Тихом океане привела к развитию таких институтов, как Объединенный комитет начальников штабов и различного рода объединенных управлений⁵².

Эти примеры взаимного сотрудничества вовсе не привели к полному слиянию ресурсов, которое, казалось бы, должно было быть продиктовано логикой современной коалиционной войны и, возможно, неравенством экономической и военной мощи партнеров. С самого начала Британия, ее способность выстоять зависели от Соединенных Штатов, и поэтому она стремилась привязать своих союзников к себе всеми средствами, которые были в ее распоряжении. Само понятие англо-американские «особые отношения» было в действительности главным образом британским (а точнее, черчиллевским) изобретением, предназначенным именно для осуществления этой цели⁵³.

В противоположность Великобритании Советский Союз обладал достаточной мощью для того, чтобы защитить себя. Помощь, предоставленная России Соединенными Штатами, была реализо-

⁵¹ *Herring G. C.* Op. cit. P. 18—19.

⁵² *Rosen S. M.* The Combined Boards of World War II. N. Y., 1951.

⁵³ *Reynolds D.* Op. cit.; Churchill and Roosevelt. Introduction. Перечисленные работы содержат интересную интерпретацию этого тезиса.

вана, таким образом, на основе не зависимости, а равенства. Для объяснения того, почему из вынужденного сближения в период войны не возникло сотрудничества, полезного для обеих сторон, следует рассмотреть другие факторы — обстоятельства, при которых родились (или воскресли) отношения между двумя странами и которые оказали на них длительное и значительное влияние. В начале войны американцы не ожидали, что Советский Союз выдержит натиск врага, и поэтому мало чего просили и мало что давали. Любые возможности для диалога были подчинены сложной политике предоставления постоянной военной помощи — помощи без координации стратегических и политических целей и после вступления Соединенных Штатов во вторую мировую войну.